

нах: доктрина и практика // Советское государство и право, 1989. №3.

2. Васильева Н. Н. *Модели правовой охраны Конституции в мировой практике* // «Общепризнанные принципы и нормы национального законодательства», Материалы международной студенческой научной конференции «Глобализация и право. <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1219893>

3. Витрук Н. В. *Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс*. М.: Издательское объединение «ЮНИТИ», 1998.

4. *Конституционное право зарубежных стран: учебник для вузов* / Под ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. М., 2005.

5. Медушевский А. Н. *Сравнительное конституционное право и политические институты*. М., 2002.

6. Митюков М. А. *Становление и развитие конституционных (уставных) судов Субъектов Российской Федерации (1991-2002 гг.)* – <http://www.concourt.am/hr/ccl/vestnik/2.20-2003/Mityukov.htm>

7. Страшун Б. А. *Перспективы демократии и конституционное правосудие* // International Almanac *Constitutional justice in the new millennium, 2002* - <http://www.concourt.am/armenian/almanakh/almanac2002/217.htm>

8. Хабриева Т. Я. *Правовая охрана конституции*. Казань, 1995.

9. Чиркин В. Е. *Конституционное право: Россия и зарубежный опыт*. М., 1998.

10. Шаповал В. Н. *Сущностные характеристики конституционного контроля* // Конституционное Правосудие, 2005. №1.

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЗНЬ В ДРЕВНЕМ МИРЕ. СУИЦИД, КАК КРИТЕРИЙ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

А. ПИЩИТА,
доктор медицинских наук, доктор юридических наук, профессор
медицинского права Российской медицинской академии
последипломного образования, г. Москва, РФ

Рассматривая эволюцию эвтаназии в истории развития общества, следует выделять три основных периода, на протяжении которых отношение к эвтаназии претерпевало существенные изменения: древний мир, средневековье, капитализм.

Еще на заре цивилизации вопрос соотношения жизни и смерти был главным предметом философско-правового осмысления. Эвтаназия стала одним из тех деяний, которые с позиций теологии, нравственности и закона расценивались неоднозначно. Взгляды на сущность добровольного ухода из жизни в различные исторические периоды существенно менялись, как и этическая оценка этих действий (норма, грех, преступление, героизм), в зависимости от соответствующего этапа развития общества и преобладавших социальных, идеологических, национальных и культурных представлений общества.

Человек научился лишать себя жизни сознательно, намеренно и быстро очень давно - задолго до изобретения колеса и покорения огня - и применял это умение в самых разнообразных жизненных ситуациях. Подтверждением может являться трагедия тасманских туземцев, которые находились на низкой стадии культурного развития, однако знали, что если жизнь становится невыносимой, ее можно прекратить. Многие из тасманийцев, на которых евро-

пейцы охотились, как на диких зверей, так и поступали [1].

Для древних цивилизаций, впрочем, как в современном обществе, особо значимым являлся вопрос о месте немощных (престарелых, детей, больных) в обществе. Там, где условия жизни были особенно суровы и община балансировала на грани вымирания, существовал обычай избавляться от ее членов, которые стали иждивенцами по причине болезни, увечья или старости. Подобная практика существовала, в частности, в Спарте, а также в отдельных северных племенах, где убивали слабых, больных младенцев и стариков, всячески поощряли самоубийство лиц старше 60 лет.

Плутарх так описывал нравы спартанского общества: «Воспитание ребенка не зависело от воли отца, - он приносил его в «лесху» - место, где сидели старшие члены филы, которые осматривали ребенка. Если он оказывался крепким и здоровым, его возвращали отцу и выделяли один из девяти земельных участков, но слабых и уродливых кидали в «апотеты» - пропасть возле Тайгета. Для них жизнь новорожденного была так

же бесполезна ему самому, как и общине, если он был слаб, хил телом от рождения, вследствие чего женщины для испытания здоровья новорожденного мыли его не в воде, а в вине, поскольку считалось, что эпилептики и болезненные дети от крепкого вина погибали, здоровые же дети от вина становились еще более крепкими и сильными [2].

В целом такая практика не шла вразрез с общественными представлениями и в других древнегреческих полисах. Практика умерщвления новорожденных с врожденными пороками была характерна для многих первобытных сообществ и не расценивалась как убийство. Так, младенца, отличавшегося исключительным уродством, с легкостью лишали жизни по Законам XII таблиц [3]. Такое деяние считалось благом, как для социума, так и для самого новорожденного. Считалось, что даже если таких детей оставить в живых, то они станут изгоями общества, поскольку не в состоянии выполнять определенные социальные обязанности: добывать пищу, воевать, воспроизводить здоровое потомство и т.д. С одной стороны, они станут обузой для общества, а с другой - сами будут обречены на душевные и физические муки и страдания. В древности китайцы оставляли на произвол судьбы чудовищное множество детей. В то же время потоватонги (индейское племя), напротив, очень нежно ухаживали за неспособными к труду и слабоумными детьми. Нарушение этого обычая считалось позором и встречалось в этих племенах очень редко.

Меланезийцы убивали всех достигших сорокалетнего возраста. Эскимосы, напротив, при распределении охотничьей добычи

отдавали предпочтение вдовам и болезненным мужчинам, причем последним даже не приходилось просить: обычай давал им право на долю от всех запасов пищи. Равным образом известны некоторые негритянские племена, где детей-калек окружали самой нежной заботой.

Широко были распространены так называемые предписываемые самоубийства, когда нормы поведения обязывали покончить с собой вдов (Индия), пожилых людей (Тибет, Япония). Уже в Новое время, в голодных горных деревнях провинциальной Японии престарелых, ставших обузой для своих семей, с их согласия отвозили на священную гору, название которой – Обасутэяма, буквально означало: «гора, где оставляют бабушек». Общество не признавало за такими людьми право на жизнь и поощряло своеобразное самоотречение от жизни во имя жизни других.

Обычаи предписывали престарелому или больному человеку покончить с собой, а кто не смог так поступить, лишался уважения, погребальных почестей и т.п. Это «свободное», на первый взгляд, волеизъявление на самом деле было достаточно жестко регламентировано общественными правилами на ранних этапах развития человеческого общества.

История знает готскую «Скалу предков», с которой бросались вниз больные, немощные старики. Испанские кельты презирали старость и как только кельт вступал в возраст, «следующий после полного физического расцвета», он завершал свою жизнь самоубийством. В древней Европе (у датчан, готов) этот ритуал сохранялся вплоть до христианской эры.

На острове Кеос во времена

Античности старики украшали головы венками и устраивали веселый праздник, в конце которого пили ядовитый напиток цикуту.

Древние германцы поступали таким же образом. Обитатели старой Пруссии убивали слепых и горбчатых детей. Но они считались не только с внешним видом: ребенка убивали и в том случае, если ребенок родился в несчастливый день или если «посвященные» предсказывали ему несчастную судьбу. Все это очень напоминает сообщения Вайца и Клемма о полудиких народах Нового и Новейшего времени, особенно среди диких племен Австралии, и чем они были ниже по своему уровню развития, тем чаще встречались случаи истребления детей, причинивших матери большие страдания при родах, всех калек. С другой стороны, во многих южных странах альбиносы, кривые, бесноватые, напротив, обеспечивались особым уходом и пользуются большим почетом. Убивали и второго из двух близнецов, «чтобы он не отнимал пищу у старшего».

По свидетельствам современников начала двадцатого века, на некоторых островах Полинезии особенно часто убивали девочек как бесполезных для военного дела. На Таити убивали две трети всех детей, в первую очередь старших и родившихся двойней, но рядом с этим процвел культ детских душ: желая иметь заступников перед божествами, к ним и направляют души детей. Очень часто встречались аборты с целью сохранения внешней красоты женщин. У обитателей островов Фиджи детей обычно убивала сама мать, но были и люди, профессионально занимавшиеся этим делом. Поводом к детоубийству часто служило стрем-

ление женщины к сохранению привычной жизни [4].

В Древнем Египте самоубийства были настолько распространены, что возникла Академия соумирающих - синапотануменон, члены которой искали легкий и красивый способ уйти из жизни. Гегесий (ок. 320-280 гг. до н.э.), прозванный Пэйзитанатом - учителем или советником смерти, призывал в Александрии немощных сограждан к самоубийству [5].

Подобное самоуничтожение было связано с особым пониманием египтянами, греками, римлянами свободы, являвшейся одной из основных философских идей того времени. Для них свобода состояла, прежде всего, в самостоятельном распоряжении собственной жизнью. Высшей формой свободы признавалась свобода продолжать жизнь или умереть.

Исследуя явление добровольной смерти в древних культурах, Э. Дюркгейм приходит к выводу о массовом проникновении и чрезвычайной распространенности этого явления. Среди поощряемых обществом мотивов самоубийства, по его мнению, наибольшее распространение получило «самоубийство по причине преклонного возраста и болезни» [6].

В некоторых странах (Германия, Саудовская Аравия) лишение жизни с согласия потерпевшего уже в древности находилось под религиозным и правовым запретом и расценивалось как преднамеренное убийство.

Во многих племенах Нигерии, Уганды и Кении, изученных в начале века, суицид считался безусловным злом. Родственникам самоубийцы запрещалось прикасаться к трупам. Согласно

анимистическим представлениям суициденты после смерти превращаются в маленьких злых духов, способных наводить на живущих порчу. Эти взгляды дошли до нас в народных верованиях и преданиях ряда племен Африки, Азии и Южной Америки, находящихся на родоплеменном этапе развития.

Национальные традиции освобождения от немощных больных членов общины весьма тесно связаны с уровнем экономического развития того или иного общества. Известен случай, когда христианские пастыри, добравшиеся до эскимосов, были потрясены жестокостью туземных обычаев: старики, чувствуя приближение дряхлости, сами уходили в тундру и замерзали. Один из миссионеров, с успехом распространявший среди дикарей христианскую веру, убедил свою паству отказаться от этого варварского обычая. Когда несколько лет спустя он вернулся в те же места, то обнаружилось, что род вымер - новообращенным христианам, в изменившихся условиях, не хватило пищи [7].

В древние времена отношение общины к умерщвлению немощных и суициду менялось от терпимого, а в некоторых случаях даже поощрительного, - до общественного порицания и законодательного запрещения.

Во времена позднего античного периода Платон высказал мысль, послужившую аргументом для осуждения добровольного способа ухода из жизни христианскими государствами. В диалоге «Федон» устами Сократа говорится о предназначении человеческой жизни. В начале Сократ указывает, что действительно есть люди, которым лучше умереть, чем жить. Но именно

в отрицании самоубийства есть некий потаенный смысл: «Мы, люди, находимся как бы под стражей ... о нас пекутся и заботятся Боги, и потому *мы, люди, - часть божественного достояния...*» (Курсив А.П.) А тогда, пожалуй, совсем не бессмысленно, чтобы человек не лишал себя жизни» [8]. Душа бессмертна, рассуждает Сократ далее, поэтому человек должен думать о том, какой его душа предстанет пред Богом. «... я полон радостной надежды, что умерших ждет некое будущее и что оно, как гласят и старинные предания, неизмеримо лучше для добрых, чем для дурных» [9]. Совершая самоубийство, человек лишает свою душу будущего. «Если душа бессмертна, она требует заботы не только на нынешнее время, которое мы называем своей жизнью, но на все времена, и если кто не заботится о своей душе, *впредь мы будем считать это грозной опасностью*» [10], - подводит итог Сократ обоснования осуждения самовольного прекращения жизни. (Курсив А.П.)

В последующие исторические периоды государство предпринимало попытки регламентировать порядок прекращения жизни, вводя уведомительную процедуру предварительного санкционирования самоубийства. «В прежние времена в нашем Марселе, - писал Монтень, - хранился запас цикуты, заготовленный на государственный счет и доступный всем, кто захотел бы укоротить свой век, но при условии, что причины самоубийства должны были быть одобрены советом шестисот, то есть сенатом; наложить на себя руки можно было только с разрешения магистрата и в узаконенных случаях» [11].

В Афинах и ряде других го-

родов имелся особый запас яда для тех, кто желал уйти из жизни и мог обосновать свое намерение перед ареопагом. Читаем у Либания: «Пусть тот, кто не хочет больше жить, изложит свои основания ареопагу и, получивши разрешение, покидает жизнь. Если жизнь тебе претит - умирай; если ты обижен судьбой - пей цикуту. Если сломлен горем - оставляй жизнь. Пусть несчастный расскажет про свои горести, пусть власти дадут ему лекарство, и его беде наступит конец» [12].

Для этого исторического периода был свойственен переход к более прагматическому подходу к жизни человека, когда самоустрашение некоторых членов общества подчинялось общественному регламенту. Индивид воспринимался как элемент социума и любые его поступки в отношении к жизни допускались лишь с позволения общества. Пиком социального регулирования права на жизнь является государственный контроль и финансирование самоубийств.

С возникновением и развитием государства, общество относилось к самоубийству все более строго. В Древнем Риме, особенно после создания империи, строгость закона по отношению к *mors voluntaria* (добровольная смерть) усугубилась. В кодексе императора Адриана (II в.) легионеру за попытку самоубийства полагается смертная казнь. «Если солдат попытается умертвить себя, но не сумеет, то будет лишен головы». А дальше следует характерная оговорка: «...в том случае, если причиной тому не были невыносимое горе, болезнь, скорбь или иная подобная причина». Далее названы и иные смягчающие вину мотивы: «усталость от

жизни, безумие или стыд». Даже если учесть *capite plectatur* для самоубийц, не подпадающих под вышеуказанные категории (а они, согласитесь, допускают самую либеральную интерпретацию), то получается, что во времена Адриана преторское право относилось к несчастным самоубийцам куда толерантнее, чем европейское законодательство XIX столетия - во всяком случае, признавало наличие обстоятельств, оправдывающих суицид. В «Дигестах» Юстиниана, классическом своде римского права (VI в.), осуждается только самоубийство «без причины», ибо «тот, кто не жалеет себя, не пожалеет и других».

С приходом христианства ситуация кардинальным образом меняется. Поощрение и государственный контроль самоубийств сменяется строжайшим их порицанием и запретом. Самоубийство приобретает характер наиболее осуждаемого человеческого деяния. Со времен раннего феодализма оно рассматривается как результат дьявольской злобы. Христианская теология дает теоретическое обоснование этой вероисповедной традиции. Христианство провозгласило, что жизнь человека находится в руках Бога. Самоубийство или любое подобное деяние, невзирая на его причины, было клеймено как величайший грех, сломивший дух и нарушающий его путь в загробную жизнь.

Августин Блаженный, а в дальнейшем и Фома Аквинский в осуждение самоубийства приводят следующие аргументы. ***Самоубийство «... противоречит естественным наклонностям человека к сохранению жизни и милосердию к себе; оно является преступлением и против общества; главное же это вы-***

зов против Бога, который дал человеку жизнь» [13].

Постепенно христианство, впитавшее идеи эллинизма и иудаизма, стало все более нетерпимо относиться к самоубийству и объявило на него абсолютный запрет. Отныне никакие телесные муки не могли быть оправданием добровольному уходу из жизни. Указанная аргументация легла в основу сложившегося в Средние века канонического права. Гражданское законодательство христианских стран присоединило к религиозным карам и земные наказания за самоубийство.

В итоге в средневековой Европе суицид категорически осуждался христианством, считавшим его одним из наиболее тяжких грехов (решения церковных соборов 452, 533, 563 гг.). Исходя из такой позиции церкви, законодатель устанавливал суровые кары не только за покушение на самоубийство, но даже за законченное самоубийство. В последнем случае труп жертвы, как правило, лишался права на христианское погребение и, нередко, подвергался публичному надругательству (выставление напоказ, волочение по улицам и т.п.). Имущество самоубийцы конфисковывалось в пользу казны [14].

В средневековом Цюрихе утопившихся зарывали в песок возле воды; зарезавшихся выставляли на поругание, вонзив в деревянный чурбан орудие самоубийства. В Меце тело грешника засовывали в бочку и пускали по Мозелю - подальше от оскверненного родного города. В Дании самоубийцу запрещалось выносить из дома через дверь - только через окно, тело же не предавали земле, а бросали в огонь, символ адского пламени, куда уже отправилась душа грешника. В Бордо

труп вешали за ноги. В Аббевиле тащили на рогоже по улицам. В Лилле мужчин, воздев на вилы, вешали, а женщин сжигали. Сумасшествие вины не смягчало, поскольку все были убеждены, что в душе безумцев поселяется дьявол [15].

Каждая из карательных мер, вводимая церковной властью против лиц, добровольно ушедших из жизни, сопровождалась еще более жесткими актами власти светской.

В Англии начиная с XIII в. самоубийство рассматривалось как «тяжкое убийство самого себя» (self-murder), соответственно, любая помощь самоубийце трактовалась как соучастие в тяжком убийстве [16]. В «Канонах» английского короля Эдуарда (XI в.) самоубийцы приравниваются к ворам и разбойникам. Лишь в качестве примера отметим, что в Англии за покушение на свою жизнь были привлечены к уголовной ответственности в конце XIX в.: в 1883-1887 гг. - 119 человек, в 1888-1892 гг. - 114 человек, в 1893-1897 гг. - 183 человека [17]. Почти тысячу лет, до 1823 г., в Британии существовал варварский обычай хоронить самоубийц на перекрестке дорог, предварительно протаскив труп по улицам и проткнув ему сердце осиновым колом. На лицо «преступнику» клали тяжелый камень.

В России того времени по Воинскому уставу Петра I, «ежели кто сам себя убьет, то надлежит палачу тело его в бесчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам или обозу» (арт. 164). В Морском уставе Петра I сказано: «Кто захочет сам себя убить и его в том застанут, того повесить на райне, а ежели кто сам себя уже убьет, тот и мертвый за ноги повешен быть имеет»

(ст. 117). По Уголовному Уложению 1754 г. покушающихся на самоубийство наказывали плетью и содержали в тюрьме два месяца. В Уголовном Уложении 1766 г. наказание покушавшихся на самоубийство ограничивается только понижением в чине и церковным покаянием. Однако в Своде законов Российской империи (1882 г.) ст. 378-380 предусматривают для покушавшихся на самоубийство каторжные работы, как для убийц (ст. 347-348).

С течением времени отношение к самоубийству в Российском государстве постепенно смягчалось. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) в главе второй 10-го раздела в преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц устанавливало уголовную ответственность за самоубийство и покушение на самоубийство. Последнее влекло за собой по ст. 1472 Уложения лишение самоубийцы «христианского погребения» [18]. Покушение на самоубийство влекло тюремное заключение на срок от шести месяцев до одного года.

Представления о количестве самоубийств в России дают абсолютные цифры. За 1803 г. было зарегистрировано 582 доведенных до конца самоубийства; в 1829 г. эта цифра составила 1283; в 1838 г. - 1559; в 1840 г. - 1718. Уровень самоубийств (на 100 тыс. жителей) составлял: 1803 г. - 1,7; 1829 г. - 2,6; 1838 г. - 2,9 [19]. В 1913 году на 100 тысяч подданных Российской империи было зарегистрировано три самоубийства [20].

Вместе с тем при таком подходе к самоубийству, даже если речь шла о безнадежно больных, самоубийства случались крайне редко и по свидетельству Г. Чхар-

тишвили «вызывали у средневековых европейцев мистический ужас» [21].

Для древнего мира и средневековья характерно преобладания представления о жизни человека, как не представляющем особой ценности явления. Философы и историки неоднократно отмечали, что в первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной и капиталистической общественно-экономической формациях право человека на жизнь ни как не защищалось, а при определенных условиях лишение жизни другого человека даже поощрялось [22].

В раннем периоде развития человеческого сообщества значение жизни человеческого индивида ограничивалось тем, что человек является всего лишь деталью человеческого стада и сам по себе никакой ценности не представляет. Учитывая низкий уровень развития производительных сил, община поощряла и способствовала прекращению жизни человека, ставшего обузой, поскольку содержание немощных, старых и больных ложилось тяжким бременем на всю общину.

Примечательно, что ничего подобного не наблюдается в истории афинян и других народов классической древности, стоявших на более высоком уровне развития культуры и более уважительно относящихся к личности каждого отдельно взятого человека, видя в нем нечто большее, чем фактор, обеспечивающий повышение материального благополучия социума.

Литература:

1. Подробнее см.: Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М., 2001. С. 45
2. Плутарх. Жизнеописание Ли-

курга//Избранные жизнеописания: В 2-х т. Т. 1. М., 1986. С. 108.

3. Памятники Римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997. С. 6.

4. Мельцер Э. Право на убийство (борьба с вырождением)/Пер. с нем. Л.М. Василевского. Ленинград, 1926. С. 104-105.

5. Гишинский Я.И. Девиантология. СПб., 2004. С. 336.

6. Durkheim E. London, 1952. С. 222.

7. См.: Чхартишвили Г. Указ. соч. С. 25.

8. Платон. Федон // Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 12.

9. Там же. С. 13-14.

10. Там же. С. 69.

11. Монтень М. Опыты. М., 1980. С. 427.

12. Чхартишвили Г. Указ соч. С. 57.

13. Мысли великих людей/Под ред. А.А. Авдюченко. М., 1999. С. 46, 78.

14. Энциклопедический словарь. Гранат. Том 37. С. 189.

15. Чхартишвили Г. Указ. соч. С. 59.

16. Никифоров А.С. Ответственность за убийство в современном уголовном праве. М., 2000. С. 17.

17. Гишинский Я.И. Девиантология. СПб., 2004. С. 336.

18. Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Том 56. С. 234.

19. Гишинский Я.И. Указ. соч. С. 342-343.

20. Русское Уголовное уложение 1903 г. уже не считало суицид преступлением и предусматривало ответственность только за подговор к самоубийству (прим. автора).

21. Чхартишвили Г. Указ. соч. С. 31.

22. См., напр.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1953. С. 89.

ЗАКОННОСТЬ И ДИСЦИПЛИНА В СФЕРЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ: ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА СПОСОБОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

М. ДИАКОНУ,
докторант

RÉSUMÉ

La légalité est proclamé et souvent consacré dans la législation comme un principe, elle se réalise comme une méthode d'activité des tous les sujets qui ont des droits et obligations et ainsi devient un regime de vie sociale, l'essence du qu'elle réside dans la respectation et execution des dispositions du droit par la majorité des participants des relations sociales.

* * *

В статье автор проводит мысль, что законность – атрибут существования и развития демократически организованного общества. Она необходима для обеспечения свободы и реализации прав граждан, осуществления демократии, образования и функционирования гражданского общества, научно обоснованного построения и рациональной деятельности государственного аппарата.

Законность обязательна для всех элементов государственного механизма (государственных органов, государственных организаций, государственных служащих), гражданского общества (общественных, религиозных организаций, независимых газет, неформальных объединений и др.) и для всех граждан.

В юридической науке законность нередко понимается как неуклонное исполнение законов и соответствующих им правовых актов органами государства, должностными лицами, гражданами и общественными организациями. Однако, такое понимание представляется односторонним. Прежде всего, необходимо обратить внимание на качество юридических законов, их соответствие объективно существующим социальным связям, праву. Если отвлечься от содержательной стороны юридических норм, подлежащих исполнению, то нетрудно прийти

к выводу, что в условиях деспотии, тоталитаризма, полицейского государства законность находится на высоком уровне [8, с. 737], и одно из первых мест по этому критерию займет фашистская Германия.

Как специфические регуляторы общественных отношений, закон, юридическая норма должны соответствовать существующему в стране уровню экономики, организационной зрелости, культуре, морально-этическим нормам. Законодательство должно быть средством легализации права государством во имя интересов общества и